И. А. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан*

sai@ksu.kz

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ (ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ) *

Отсутствие прямых письменных источников и зоо-антропоморфной изобразительной традиции в предметном мире ритуально-обрядовой практики населения андроновской историко-культурной общности выдвигают погребальный обряд на первый план в качестве основной информативной базы. Любопытны находки каменных и бронзовых булав, которые, очевидно, маркировали родовую военную аристократию, тесно связанную с культом военного божества. Большой интерес представляют парные и двойные разнополюсные погребения. Можно предположить, что подобный погребальный обряд является практической реализацией священного брака, участниками которого являются мифические разнополюсные близнецы. Существовал и другой, более редкий обряд тройного захоронения, который символизировал распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ Великой богини и близнецов. В погребальном обряде наблюдается ряд сакральных действий, указывающих на развитые культы различных божеств, их основополагающую роль в религиозно-мифологических представлениях древнего общества.

Ключевые слова: андроновская историко-культурная общность, мировоззрение, культ, обряд, парное погребение, триада, близнецы.

В эпоху бронзы в андроновском обществе сформировалась развитая и устойчивая политеистическая система верований, близкая к индоиранской модели. Об этом могут свидетельствовать многочисленные петроглифы этого периода с изображениями целого ряда повторяющихся божеств и отправителей культа, например солнцеголовых персонажей, ряженных жрецов-шаманов с грибовидными головными уборами, адорантов с поднятыми вверх руками, видимо, произносящих сакральные гимны, героев-палиценосцев и других выразительных образов [Самашев, 1992; Рогожинский, 2001; Новоженев, 2002; Кадырбаев, Марьяшев, 2007; Shvets, 2012; Бедельбаева и др., 2015].

Многочисленные наскальные рисунки, свидетельствующие о ярких и насыщенных религиозно-мифологических представлениях древнего общества, занимают отдельную нишу. Парадокс заключается в том, что персонажи петроглифов в виде зоо-антропоморфных изображений совершенно отсутствуют в предметном мире ритуально-обрядовой практики андроновского населения.

* Работа выполнена в рамках гранта МОН РК (проект № AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»).

Научная новизна исследований заключается в анализе погребального обряда, рассматриваемого через призму близнечного феномена, являющегося ключом к пониманию андроновской и, шире, индоиранской религиозно-мифологической системы.

Основной целью работы является исследование традиций и мировоззрения андроновского населения по данным погребального обряда.

Для достижения поставленной цели решались задачи по выявлению атрибутики индоиранских божеств, интерпретации парных и тройных захоронений, социальной ранжированности погребенных, выявлению отправителей культа.

В сложившейся ситуации основную информативную роль играет погребальный обряд, детализация которого указывает на глубокие мифоритуальные традиции, сформировавшиеся в мировоззренческой сфере общества. В то же время до исследователей доходит исключительно невербальная часть обряда в виде тех или иных материальных остатков, а соответственно, все вербальные действия, о которых можно только догадываться, остаются за рамками наших знаний.

Наиболее ранние свидетельства, конкретизирующие отдельные аспекты мировоззренческой сферы древнего общества, появились на заре андроновской эпохи. Большой интерес вызывают находки каменных и бронзовых булав. Большинство экземпляров обнаружено в погребениях более ранней синташтинской культуры, но они встречаются в петровских и раннеалакульских комплексах. Погребальный обряд этих культур характеризуется устойчивыми милитаристическими чертами. В мужских захоронениях присутствует оружие дистанционного и ближнего боя, боевые колесницы или их имитация.

Традиционно погребения эпохи бронзы с навершиями булав рассматриваются как захоронения военных вождей. Изготовленные из мягкого камня булавы нередко имеют довольно хрупкую структуру, что предполагает их использование в рамках социальной ранжированности или ритуальной сферы, возможно, указывая на жреческий статус их обладателей [Нелин, 1995. С. 133].

Идеологической основой населения этого периода становится война, которая вызвала к жизни божество, наделенное ярко выраженными военными функциями. В индоарийской мифологии таким символом войны является Индра, грозное божество ведийского пантеона, основным атрибутом которого считается ваджра – булава.

Черты культа этого божества в наибольшей степени присутствуют в погребениях с навершиями булав, наконечниками стрел и давящими камнями для приготовления галлюциногенного напитка [Мельников, 1999. С. 77]. Определенным подтверждением данного предположения стала находка в раннеалакульском могильнике Тундык в Центральном Казахстане (погребение 4, курган 4) округлого бронзового навершия булавы, ножа, наконечников стрел и давящего галечного камня [Кукушкин и др., 2015. С. 136. Рис. 2].

Наряду с бронзовым навершием булавы большой интерес вызывает представительный колчаный набор стрел с индивидуальными характеристиками. Каждый из восьми найденных наконечников имел особую, отличную от других форму. Отсутствие серийных экземпляров предполагает их использование в ритуальных целях при проведении каких-либо обрядовых действий. Символика лука и стрел нередко выступает в качестве одного из наиболее древних атрибутов, связанных с сакральной практикой [Михайлов, 2001. С. 135].

Всего на территории Казахстана зафиксировано 14 каменных и металлических наверший булав, однако в контексте тундыкского захоронения их предназначение приобретает более конкретизированный характер, поскольку дополняется и другим вещевым инвентарем, имеющим сакральную окраску.

Значимость культа бога войны в первой четверти II тыс. до н. э. выразилась в распространении элитных погребений, сопровождающихся булавами. Предметная сакрализация воинской власти была реализована в проведении пышных и сложных погребальных обрядов, наличии богатого инвентаря в могилах вождей-колесничих, куда стали помещать и булавы, что нашло отражение в петровских и раннеалакульских захоронениях родовой военной аристократии.

Видимо, загробный мир, по аналогии с земным, также мыслился в состоянии милитаристического возбуждения, охваченным военными конфликтами и грабительскими набегами,

на что определенно указывает погребальный инвентарь, насыщенный разноплановым оружием, а также наличие боевых колесниц.

В петровской и алакульской погребальной практике за редким исключением господствует обряд ингумации. Умершего, как правило, укладывали в скорченном положении на левом боку, головой в западном направлении. Можно считать установленным, что в андроновскую эпоху представления о загробном мире в общественном сознании были весьма развитыми. Умерших обязательно сопровождала керамическая посуда, наполненная едой и напитками, которые необходимы во время сакрального перехода в царство мертвых.

В качестве погребального инвентаря мужчин могли сопровождать уже немногочисленные предметы вооружения, а также редкие бытовые орудия. Другими словами, с умершим помещали те вещи, которыми он владел при жизни и будет ими пользоваться в ином мире. Причем если он был вождем на земле, то оставался им и в царстве мертвых.

Женщин нередко погребали в пышных праздничных одеждах, наличие которых обычно фиксируется по остаткам металлических украшений, нередко плакированных золотой фольгой. Можно констатировать, что чем «богаче» был посмертный набор украшений, тем выше роль женщины в жизни родовой общины и, соответственно, ее последующее место в мире ином.

Живые заботились о мертвых, готовя их к существованию в другой реальности. Высокая или низкая статусность умерших, их место в социальной иерархии, отношение к той или иной половозрастной группе обязательно подчеркивались спецификой погребального обряда, который по основным параметрам не выходил за рамки устоявшихся традиций.

Эти данные свидетельствуют о существенном месте загробного мира в мировоззренческой сфере андроновского общества. Однако он был расположен на значительном расстоянии, на что указывает наличие пищи в захоронениях, предполагающей длительное путешествие (дорогу) и исключаящей мгновенный переход в иное состояние.

Большой интерес представляют парные и двойные погребения, в которых захоранивались мужчина и женщина. Предполагается, что такие погребения демонстрируют парный брак, где при патриархальных отношениях доминировал мужчина, а женщина ввиду своего подчиненного положения помещалась в могилу после ритуального умерщвления. На подобные ритуальные жертвоприношения могут указывать исторические и этнографические источники [Кузьмина, 1986. С. 90–91]. В последнее время данные захоронения рассматриваются не только в плане реального, но и в плане ритуального брака, символизирующего божественный близнецный союз [Сотникова, 2012. С. 192].

В парных разнополых погребениях умершие нередко лежат в позе так называемых «объятий», причем, как правило, мужчина на левом, а женщина на правом боку. Можно предположить, что подобный погребальный обряд действительно является практической реализацией священного брака, участниками которого являются разнополые близнецы, близкие по содержанию к Яма-Ями, или Йима-Йимак. Конечно, совершенно не обязательно, что умершие при жизни являлись близнецами. Они просто играют роли этих божеств в данном обряде, проведение которого было необходимо исходя из мировоззренческих потребностей социума.

Количество парных и двойных разнополых захоронений на погребальном поле насчитывает 5–10 %, достигая 15–20 % на отдельных памятниках, но бывает и выше [Сорокин, 1962. С. 34; Ткачев, 2013. С. 89; Рафикова, Савельев, 2015. С. 152]. С учетом парности средневзвешенное количество погребенных составляет 10–20 % от всех условно захороненных на могильнике. Повышенная сложность проведения погребального обряда, связанная с необходимостью обеспечить скорченное положение умерших, соответствующее полу размещение в погребальной камере, придание позы взаимных «объятий», предполагает в большей мере ритуальное значение этой церемонии. Такая интерпретация подтверждается и относительно «богатыми» детскими и подростковыми парными разнополыми погребениями, где возрастная планка не позволяет считать умерших супругами по физиологическим причинам.

Женский сопроводительный инвентарь в виде украшений существенно «богаче» мужского, при котором, кроме керамики, других вещей зачастую нет [Кузьмина, 2008. С. 115, 117], что косвенно также ставит под сомнение абсолютизацию патриархальных отношений в андроновском обществе.

В ведийской мифологии Яма-Ями являлись супругами еще во чреве матери. Супружеские отношения связывали египетских близнецов Осириса и Изиду. Вероятно, в ранних близнецных связках супруг гибнет и возрождается, иногда с помощью своей жены. Он, как правило, становится царем мертвых и может интерпретироваться как сезонное божество умирающей и возрождающейся природы, а сама смерть-жизнь отражает смену времен года. Ему не чужды и функции солярного божества. Однако важнейшим фактором является возрастное соотношение близнецов – старший, родившийся первым, и младший, появившийся на свет позднее. Например, в близнецной тематике греческой мифологии раньше рождалась Артемида, которая затем помогала принять роды своего младшего брата-близнеца, солнечного бога Аполлона [Тахо-Годи, 2000. С. 107].

Предполагается, что при помещении в парном погребении женщины на правом боку подразумевалось ее относительное старшинство по отношению к мужчине, положенному на левом боку, который по аналогии с руками человека был слабее и моложе, т. е. младше. Данное соотношение предполагает четкое ритуальное возрастное разграничение в разнополом парном захоронении, причем реальный возраст умерших мог и не учитываться, а важен был сам принцип сакрального действия как предметного овеществления известного мифологического сюжета – смерть и возрождение солнечного божества. На это могут указывать парные захоронения мужчины с ребенком или женщины с ребенком, где пол ребенка чаще всего был противоположным.

Видимо, регулярное воспроизводство в погребальной практике ритуала парных захоронений свидетельствует, что разнополым парным близнецам отводилось существенное место в религиозно-мифологической системе древнего общества. Интересно, что в ритуальном наряде на руках женщин нередко отмечаются браслеты с коническими, спиралевидными окончаниями – «рожками», символически подразумевающими двух тельцов, двух баранов (козлов) или тельца и овна, расположенных по обе стороны «хозяйки». Об этом может свидетельствовать парность браслетов, а на сам ритуальный зоо-орнитоморфный облик женщины, как правило, должен указывать головной убор, имеющий характерные черты того или иного животного, птицы или солярно-астральную символику. Вместе они образуют хорошо узнаваемую сакральную триаду – женщина и близнецы или животные возле мирового дерева, эквивалентом которого выступает женщина [Иванов, 1974. С. 92–93]. Очевидно, женщины играли заметную роль в культовой сфере.

Какие-либо перемены в стандартном расположении умерших могут указывать на социальные подвижки, происходящие в обществе, в частности на передний план может выйти старший близнец мужского пола, означающий завершение эры полного господства материнского права и структурную перестройку социальных отношений. Особенно это становится заметно в тех случаях, когда в парных разнополых погребениях женщину укладывают на левый бок или за спиной мужчины. Вероятно, сочетание на одном погребальном поле различающихся обрядов может свидетельствовать об определенном противоборстве культов, адептами которых выступают заинтересованные социальные группировки.

Определенное место в системе религиозных приоритетов занимали и близнецы одного пола, в частности мужского, как, например, ведийские Ашвины или греческие Диоскуры.

Во многих религиозных политеистических системах древности мужские близнецные божества играли заметную роль. Более всего их культ известен в мифологической традиции индоевропейских народов. Характерны также и представления о двух мифических царях – родоначальниках всего племени, что отмечается в обычаях целого ряда племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 776]. Наиболее ярким примером являются два царя в Спарте.

Так, при исследовании могильника Лисаковский I (Северный Казахстан) в одной из погребальных конструкций было выявлено двойное погребение, совершенное в двух грунтовых ямах. В каждой из могил зафиксировано по одному костяку, которые были уложены на левом боку в скорченном положении, головой в западный сектор. Антропологическими опре-

делениями установлено, что оба умерших являлись мужчинами ¹ [Усманова, 2005. С. 37, 225. Табл. 43].

Двойное погребение умерших одного пола в двух специально подготовленных погребальных камерах, где обычно расположены разнополюсы костяки, исключает их брачные отношения и заставляет видеть в рассматриваемой ограде близнецное, возможно, ритуальное захоронение. Видимо, двойственное единство близнецов при рождении требовало аналогичного состояния и после смерти, что и нашло отражение в двойных однополых захоронениях.

При выборке погребальных камер в заполнении верхнего слоя каждой из могил зафиксировано по одному сосуду, установленному вверх дном [Там же. С. 37, 95. Рис. 56, 4, 6]. Считается, что поставленные подобным образом сосуды маркировали погребения близнецов [Итина, 1979. С. 16–18].

Вероятно, семантика этого обряда связана с широко распространенными представлениями, согласно которым магической властью над природой, особенно над дождем и вообще над погодой, обладают близнецы. Известно также, что в случае засухи могилы близнецов, наделенных могучей способностью влиять на погоду, поливались водой [Фрэзер, 1980. С. 80; Штернберг, 1936. С. 155–157]. В данном случае, очевидно, перевернутые вверх дном сосуды символизируют выливание жидкости, воды. Возлияние – один из распространенных и естественных по законам симпатической магии способов вызывания дождя, падающего сверху из сосудов или каких-либо вместилищ, которые, по бытовавшим представлениям, находились на небе [Антонова, 1990. С. 237].

Показательно исследованное на могильнике Лисаковский IV (Северный Казахстан) детское захоронение. В ограде 8, было расчищено погребение 3, состоявшее из двух детских черепов, уложенных на левую сторону друг за другом. Возраст умерших, вероятно, мальчиков составлял 4–5 лет. Исходя из одинакового возраста и погребения в одной могильной камере предполагается, что они были братьями-близнецами [Усманова и др., 2006. С. 71–75].

Существовал и другой, более сложный и редкий обряд тройного захоронения, при котором трех умерших помещали в одну погребальную камеру, где, как правило, отмечались три костяка, уложенных в могилу определенным образом. Первым лежал мужской скелет в скорченном положении на левом боку, рядом с ним, на правом боку, в позе, характерной для парных разнополых погребений, – женский, а за его спиной уложен дополнительный мужской костяк на левом боку. Таким образом, захоронение объединяет женщину, занимающую центральное место и двух мужчин, расположенных по бокам. Участниками этой триады могли быть как взрослые, так и дети. Причем женщину отличало исключительное «богатство» погребального инвентаря в виде разнообразных украшений.

Подобные тройные погребения зафиксированы в синташтинских могильниках Каменный Амбар [Епимахов, 2005. С. 36], Синташта, в петровских и алакульских некрополях Нуртай [Ткачев, 2002. С. 162–165], Кулевчи VI [Виноградов, 1984], Алакуль [Сальников, 1952. С. 57], Лисаковский I [Усманова, 2005. С. 40–42], Ермак IV [Сотникова, 2012. С. 187–189]. Отмечается некая статусная ранжированность умерших, фиксируемая как в расположении, так и в сопровождающем инвентаре. Безусловно, в этом обряде женщина играла основную роль, за ней следовал первый умерший, расположенный к ней лицом, которому отдавалось предпочтение, и замыкал ряд мужской костяк за спиной женщины, указывавший на незначительную роль последнего.

Аналогичным образом могли размещать и жертвенных лошадей, запряженных в символическую повозку. Из двух лошадей, уложенных вплотную друг к другу, создавали разнополую пару (кобыла и жеребец) ², которую размещали на поверхности вдоль длинной стороны могильной ямы, а на противоположном краю камеры дополнительно укладывали еще одну лошадь. Данный ритуал зафиксирован, например, в раннеандроновских курганах на могильнике Ащису в Центральном Казахстане. Разнополость жертвенных пар лошадей отмечается в синташтинских и петровских погребальных комплексах [Гайдученко, 2011. С. 52–53]. Видимо, в более древней доведийской мифологии парная запряжка была представлена разнопо-

¹ Антропологические определения были проведены заведующим кабинетом антропологии Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, канд. ист. наук В. А. Дремовым.

² Палеозоологические определения проведены канд. биол. наук Л. Л. Гайдученко.

лыми особями. На это могут указывать петроглифы с изображением так называемых «чудесных» упряжек, в которых отражаются не только разнополость животных, но и относительное разнообразие их видов [Шер, 1980. С. 283, 284].

Тройные захоронения символизировали широко распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ богини и двух близнецов, очевидно, старшего и младшего. В разных случаях, вероятно, связанных с социально-экономическими процессами, протекающими в обществе, богиня могла занимать место матери близнецов, сестры или даже жены, а символика «дрейфовать» от лунной к солнечной. Эта триада может принимать самые неожиданные и, на первый взгляд, трудно совместимые изобразительные формы, используемые в передаче триединой сущности этого божества – Великой богини и близнецов [Кукушкин, 2007. С. 135–140].

Известны светлая и темная стороны триады, например, в виде женщины и двух птиц или коней (хозяйка коней) либо в образе фантастического существа с хтоническими чертами, имеющего одно туловище и три головы. Аналогичные метаморфозы могли происходить и при зоо-орнитоморфном изображении близнецов, где например, одно туловище могло иметь две головы или два туловища – одну голову [Зданович, Куприянова, 2010. С. 147. Рис. 8; Сарианиди, 2001. С. 140. Табл. 5, 1].

Обряд тройного захоронения зафиксирован в могильниках федоровской культуры Южной и Западной Сибири, например в Кытманово [Уманский и др., 2007. С. 15. Рис. 30], Фирсово XIV [Киришин и др., 2015б. Рис. 6, 1–3], Сухое Озеро I [Максименков, 1978. С. 23]. При этом в данных погребениях женский костяк лежал на левом боку лицом к мужскому, расположенному на правом боку, а за спиной женщины на левом боку находился еще один костяк мужского пола. Подобное расположение умерших в могиле фактически повторяет с точностью до наоборот алакульские погребальные каноны и служит своеобразным индикатором процессов внутренних трансформаций в социальной структуре федоровского общества.

Многочисленные некрополи федоровской культуры в плане погребального инвентаря менее информативны. При труположении умерший, как и в алакульской традиции, укладывался в скорченном положении на левом боку, головой в западном направлении. Какие-либо предметы погребального инвентаря, за исключением керамики, в мужских захоронениях встречались крайне редко. В женских погребениях сопроводительный инвентарь в виде бронзовых украшений, нередко плакированных золотым листом, сравнительно более представительный.

В некрополях федоровской культуры парные разнополые погребения могут составлять от 2 [Кузьмина, 1986. С. 90] до 25 % [Уманский и др., 2007. С. 25]. Умершие традиционно размещены лицом друг к другу, но в большинстве случаев женщина уложена на левом, а мужчина – на правом боку [Ткачева, Ткачев, 2008. С. 243]. Известны захоронения, где женский костяк расположен за спиной мужского [Максименков, 1978. С. 60], который соответственно «рождается» первым. Возможно, наблюдается смещение акцентов с младшего близнеца на старшего, что предполагает повышение социального статуса мужчины, если не до лидирующего, то, по крайней мере, до равного. Интересно, что маркировкой половой принадлежности, видимо, мог выступать и погребальный костюм. Так, в целом ряде высокостатусных захоронений зафиксированы мужские костяки в сопровождении типичных женских украшений, представленных височными кольцами, браслетами, нашивными бляшками и золотыми серьгами с раструбом³ [Уманский и др., 2007. С. 9–10; Киришин и др., 2015а. С. 10–11, 13–14; Кукушкин, Дмитриев, 2016. С. 146]. Очевидно, наблюдался процесс проникновения определенной элитной части представителей мужского пола в жреческую среду, которая традиционно считалась женской. Вытеснение женского божества предполагает определенную победу «мужского права» в культовой сфере, а следовательно, и в области социальных отношений, что подтверждается и изменением месторасположения костяков в парных погребениях.

³ Палеоантропологические определения центрально-казахстанских краниологических материалов провел канд. ист. наук К. Н. Солодовников.

В этой связи отметим женоподобных мужчин-энареев, относящихся к царскому дому и выполнявших у скифов жреческие функции. Они составляли обособленную привилегированную касту, закрытую для других слоев общества [Хазанов, 1975. С. 168–169]. Устоявшиеся традиции этого института указывают на более ранний период его формирования, очевидно, связанный с бронзовым веком.

Видимо, смена приоритетов в культовой сфере проходила без резких и кардинальных преобразований, на что может указывать преобладание левосторонних захоронений. В период финальной бронзы переход к правосторонним погребениям фактически завершился. Они стали обрядово-нормативным канонем, преобладающим в погребальной практике.

Проведение различного рода обрядово-культовых действий невозможно без специально подготовленных людей, обладающих сакральными знаниями, – отправителей или служителей культа. Например, жречество в период Ригведы являлось уже сформировавшимся и разветвленным институтом [Елизаренкова, 1989. С. 453]. Жрецы руководили организацией и устройством всего комплекса мероприятий погребального характера, следили за соблюдением норм традиционного права и являлись хранителями сложившихся обычаев и ритуалов, без которых невозможно посмертное восстановление социального статуса умершего, а значит, и продолжение бесконечного движения по «кругу жизни». Однако унификация погребального обряда делает достоверное выявление на некрополе подобных захоронений весьма затруднительным [Усманова, 2005. С. 103]. В то же время отмечается определенный круг погребений, которые можно отнести к категории, имеющей особый социальный статус, прежде всего женских.

К этому ограниченному кругу лиц можно отнести женщин, захороненных в парных погребениях, снабженных ярко выраженной ритуально-культовой атрибутикой, представленной сакральными украшениями. Найденные женские украшения не производят впечатления утилитарной, бытовой гарнитуры, предназначенной для повседневного пользования. Отсутствие царапин, следов потертости, сколов, неизбежных при длительной эксплуатации, свидетельствуют, что данными наборами очень дорожили и пользовались ими редко.

На основании мифологичности погребальной обрядности, воспроизводимой в ритуале, можно предположить, что андроновский пантеон состоял из целого ряда известных индоиранских богов. Например, Индра вычленяется благодаря характерным признакам, как, например, булава-ваджра, и общему милитаристическому содержанию погребального инвентаря. Разнополюе парные захоронения характеризуют божественных близнецов, причем в связке Яма-Ями – Йима-Йимак на фоне бледного женского мужской персонаж выглядит более яркой и самостоятельной фигурой. Они, видимо, стоят ближе к федоровской традиции. Для алакульцев, вероятно, характерны более ранние формы близнечного союза. Однополюе парные мужские захоронения свидетельствуют о близнечных Ашвинах. Тройные погребения ассоциируются с триадой – Великой богиней и близнецами, символикой которых в мифологической традиции является трехколесная повозка и триединство в целом.

Таким образом, в андроновской погребальной обрядности наблюдается целый ряд ритуальных действий, указывающих на развитые культы различных божеств, играющих основополагающую роль в религиозно-мифологических представлениях древнего населения. Однако следует учитывать, что политеизм древности – это не статичная, «окаменевшая» структура, а динамично изменяющаяся мировоззренческая система, наглядно демонстрирующая последовательные этапы социально-экономического развития общества.

Список литературы

- Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 288 с.
- Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Новоженева Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: САИ при КарГУ, 2015. 252 с.
- Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.

Гайдученко Л. Л. Лошадь в погребальных памятниках эпохи бронзы и раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2011. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. С. 52–54.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. 1409 с.

Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. С. 426–762.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. Кн. 1. 192 с.

Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. Ч. 1. С. 130–161.

Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* – «конь» (жертвоприношение коня и дерево *asvattina* в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.

Итина М. А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 15–19.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Петроглифы хребта Каратау. Алматы: Наука, 2007. 147 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово XIV. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015а. 208 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015б. 108 с.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кукушкин И. А. Мировоззренческие аспекты культуры населения финальной бронзы Центрального Казахстана // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: ИП Е. А. Сытин, 2007. С. 133–150.

Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 136–143.

Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. Вып. 22. С. 142–147.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Мельников Е. Н. Погребения с навершиями булавы эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 1999. С. 77–80.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Нелин Д. В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 5, кн. 1. С. 132–136.

Новоженков В. А. Петроглифы Сары Арки. Алматы: ИА НАН РК, 2002. 125 с.

Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 151–159.

Розожинский А. Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. С. 7–44.

Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.

- Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
- Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Worldmedia, 2001. 246 с.
- Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сотникова С. В. К вопросу о парных разнополых погребениях андроновской эпохи // VIII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 187–193.
- Тахо-Годи А. А. Артемида // Мифы народов мира. М.: Олимп, 2000. Т. 1. С. 107–108.
- Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Ткачев А. А. Мужской вещевого комплекс и возможности реконструкции костюма андроновской эпохи // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: TENGRI Ltd, 2013. С. 89–93.
- Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 132 с.
- Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск: TENGRI Ltd, 2005. 232 с.
- Усманова Э. Р., Мерц В. К., Колбина А. В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии павлодарского Прииртышья. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. С. 70–80.
- Фрэзер Д. Д. «Золотая ветвь». М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. 573 с.
- Shvets I. Studien zur felsbildkunst Kasachstans // Materialien zu Kasachstan Archäologie. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern, 2012. Bd. 1. 267 S.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2018

I. A. Kukushkin

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov Karaganda State University
28 Universitetskaya Str., Karaganda, 100028, Kazakhstan

sai@ksu.kz

WORLD VIEW AND TRADITIONS OF THE POPULATION OF THE ANDRONOVO HISTORICAL AND CULTURAL COMMUNITY (ACCORDING TO THE FUNERAL RITES)

Purpose. We aimed at studying the traditions and world views of the Andronovo population of the steppe bronze. Due to the absence of direct written sources and zoo-anthropomorphic pictorial tradition on the subject, the burial practice of the Andronovo population, whose detailing presupposes the existence of extensive mythological ritual knowledge concentrated in the worldview sphere, is the foreground of research as the main informative base.

Results. The earliest evidence that specifies certain aspects of the worldview of the ancient society appears at the dawn of the Andronovo era. The finds of stone and bronze maces are curious, which, obviously, marked the patrimonial military aristocracy, closely connected with the cult of the military deity. Of great interest are paired and double burials in which a man and woman were buried. It can be assumed that such a burial rite is a practical realization of the sacred marriage, the participants of which are heterosexual twins, close in content to Yama-Yami or Yima-Yimak. Regular reproduction in the funeral practice of the ritual of twin burials indicates that the heterosexual

twins were given a significant place in the religious and mythological system of the ancient society. A certain place in the system of religious priorities was occupied by twins of the same sex, in particular males, such as, for example, the Vedic Ashvins. Double burials of the deceased of the same sex in specially prepared burial chambers, where skeletons of different sexes are usually located, are excluded, which excludes their marriage relations and makes us see in the ritual contemplated a twin, possibly, a ritual burial. There was another, more complex and rare rite of the triple burial, which includes a woman occupying the central place and two men located on each side. Such triple burials symbolize the triune image of the goddess and two twins, obviously the elder and younger, widespread in Indo-European mythology.

Conclusion. Based on the well-known mythology of the funeral rite reproduced in the ritual, a whole series of sacred actions are observed pointing to the developed cults of various deities close to the Indo-Iranian pantheon and playing a fundamental role in the religious mythological representations of the ancient society. However, it should be borne in mind that the polytheism of antiquity is a dynamically changing system rather than a static, «petrified» structure, which visually demonstrates the successive stages of the social and economic development of the society itself.

Keywords: Andronovo historical and cultural unity, worldview, cult, rite, twin burial, triad, twins.

References

Antonova E. V. Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev Vostoka [Rituals and beliefs of primitive farmers of the East]. Moscow, Nauka, 1990, 288 p. (in Russ.)

Bedelbaeva M. V., Novozhenov V. A., Novozhenova N. V. Izobrazitel'nye pamyatniki Kazakhskogo melkosopochnika [Fine art sites of the Kazakh hillock landscape]. Karaganda, SAI KarGU Publ., 2015, 252 p. (in Russ.)

Vinogradov N. B. Kulevchi VI – novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepyakh Yuzhnogo Zaural'ya [Kulevchi VI – a new Alakul burial ground in the forest-steppe of the Southern Trans-Ural region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1984, no. 3, p. 136–153. (in Russ.)

Gaiduchenko L. L. Loshad' v pogrebal'nykh pamyatnikakh epokhi bronzy i rannego metalla iz stepnoi zony Kazakhstana i Yuzhnogo Zaural'ya [The horse in the funerary sites of the Bronze Age and Early Metal from the steppe zone of Kazakhstan and the Southern Trans-Urals]. *Margulanovskie chteniya – 2011* [Margulan Readings – 2011]. Astana, ENU im. L. N. Gumileva Publ., 2011, p. 52–54. (in Russ.)

Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy [Indo-European language and the Indo-Europeans]. Tbilisi, TSU Publ., 1984, 1409 p. (in Russ.)

Elizarenkova T. Ya. «Rigveda» – velikoe nachalo indiiskoi literatury i kul'tury [«Rigveda» – the great beginning of Indian literature and culture]. *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rigveda. Mandalas I–IV], Moscow, Nauka, 1989, p. 426–762. (in Russ.)

Epimakhov A. V. Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) [Early complex societies of the north of Central Eurasia (based on the materials of the burial ground of Kamennyi Ambar-5)]. Cheliabinsk, OAO «Cheliabinskii dom pečhati» Publ., 2005, vol. 1, 192 p. (in Russ.)

Zdanovich D. G., Kupriyanova E. V. Loshadi i bliznetsy: k «arkheologii rituala» Tsentral'noi Evrazii epokhi bronzy [Horses and twins: to the «archaeology of the ritual» of the Central Eurasia of the Bronze Age]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala* [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of the Southern Urals]. Cheliabinsk, ChelSU Publ., 2010, vol. 1, p. 130–161. (in Russ.)

Ivanov V. V. Opyt istolkovaniya drevneindiiskikh ritual'nykh i mifologicheskikh terminov, obrazovannykh ot asva – «kon» (zhertvoprinoshenie konya i derevo asvattina v Drevnei Indii) [Experience of interpretation of ancient Indian ritual and mythological terms derived from Asva – «kon» (sacrifice and double Asvatina in ancient India)]. *Problemy istorii yazykov i kul'tur u narodov Indii* [Problems of the History of Languages and Culture of the Peoples of India]. Moscow, Nauka, 1974, p. 75–138. (in Russ.)

Itina M. A. Rekonstruktsiya nekotorykh pervobytnykh obryadov metodom analogii [Reconstruction of some primitive rites by analogy]. *Etnografiya i arkheologiya Srednei Azii* [Ethnography and archaeology of Middle Asia]. Moscow, Nauka, 1979, p. 15–19. (in Russ.)

Kadyrbaev M. K., Mar'yashev A. N. Petroglify khrebta Karatau [Petroglyphs of the Karatau Range]. Almaty, Nauka, 2007, 147 p. (in Russ.)

Kiriushin Yu. F., Papin D. V., Tur S. S., Pilipenko A. S., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov Ia. V. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob area: materials from excavations 2010–2011 burial ground Firsovo-XIV]. Barnaul, AltSU Publ., 2015a, 208 p. (in Russ.)

Kiriushin Yu. F., Papin D. V., Fedoruk O. A. Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Andronovo culture in Altai (based on the materials of the funerary complexes)]. Barnaul, AltSU Publ., 2015b, 108 p. (in Russ.)

Kuz'mina E. E. Drevneishie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya [The oldest cattlemen from the Urals to the Tien-Shan]. Frunze, «Ilim» Publ., 1986, 134 p. (in Russ.)

Kuz'mina E. E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti: monografiya [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community: monograph]. Aktobe, PrintA Publ., 2008, 358 p. (in Russ.)

Kukushkin I. A. Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury naseleniya final'noi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [World outlook aspects of culture of the population of the final bronze of Central Kazakhstan]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki* [Historical and cultural heritage of Saryarka]. Karaganda, IP E. A. Sytin Publ., 2007, p. 133–150. (in Russ.)

Kukushkin I. A., Dmitriev E. A., Kukushkin A. I. Mogil'nik Tundyk: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy [Tundyk burial ground: preliminary research results]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals], Cheliabinsk, ChGKM Publ., 2015, p. 136–143. (in Russ.)

Kukushkin I. A., Dmitriev E. A. Polevye issledovaniya na mogil'nike Besoba (Kazakhstan) [Field research at the Besoba burial ground (Kazakhstan)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Conservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, AltSU Publ., 2016, iss. 22, p. 142–147. (in Russ.)

Maksimenkov G. A. Andronovskaya kul'tura na Enisee [Andronovo culture on the Yenisei]. Leningrad, Nauka, 1978, 190 p. (in Russ.)

Melnikov E. N. Pogrebeniya s navershiyami bulav epokhi bronzy [Burials with the Bronze Age mace pommels]. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopredel'nykh territorii* [Archaeology of the Central Black Earth Belt and adjacent territories]. Lipetsk, LSPU Publ., 1999, p. 77–80. (in Russ.)

Mikhailov Yu. I. Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoi Sibiri (epokha bronzy) [World outlook of ancient societies of the south of Western Siberia (the Bronze Age)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 363 p. (in Russ.)

Nelin D. V. Pogrebeniya epokhi bronzy s bulavami v Yuzhnom Zaural'e i Severnom Kazakhstane [Burials of the Bronze Age with clubs in the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya* [Russia and the East: the problems of interaction]. Chelyabinsk, 1995, vol. 5, p. 132–136. (in Russ.)

Novozhenov V. A. Petroglify Sary-Arki [Petroglyphs of Sary-Arka]. Almaty, IA NAS RK Publ., 2002, 125 p. (in Russ.)

Rafikova Ya. V., Saveliev N. S. Parnye pogrebeniya mogil'nika epokhi pozdnei bronzy Tashla-1 v Bashkirskom Zaural'e [Paired burials of the Tashla-1 late bronze burial ground in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Cheliabinsk, ChelGKM Publ., 2015, p. 151–159. (in Russ.)

Rogozhinskii A. E. Izobrazitel'nyi ryad petroglifov epokhi bronzy svyatilishcha Tamgaly [Pictorial series of petroglyphs of the Bronze Age of the Tamgaly sanctuary]. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and archaeology of the Semirechie]. Almaty, Fond «Rodnichok», Fond «XXI vek» Publ., 2001, vol. 2, p. 7–44. (in Russ.)

Salnikov K. V. Kurgany na oz. Alakul' [Kurgans on Lake Alakul']. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], 1952, no. 24, p. 51–71. (in Russ.)

Samashev Z. S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock carvings of the Upper Irtysh region]. Alma-Ata, Gylm Publ., 1992, 288 p. (in Russ.)

Sarianidi V. I. Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo [Gonur Necropolis and Iranian Paganism]. Moscow, World media Publ., 2001, 246 p. (in Russ.)

Sorokin V. S. Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane [The burial ground of the bronze age Tasty-Butak I in Western Kazakhstan]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1962, 206 p. (in Russ.)

Sotnikova S. V. K voprosu o parnykh raznopolykh pogrebeniyakh andronovskoi epokhi [On the issue of paired heterogeneous burials of the Andronovo era]. *VIII istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Historical readings of the memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk, Amfora Publ., 2012, p. 187–193. (in Russ.)

Takho-Godi A. A. Artemida [Artemida]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Olimp Publ., 2000, vol. 1, p. 107–108. (in Russ.)

Tkachev A. A. Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tyumen', TyumGNGU Publ., 2002, vol. 1, 289 p. (in Russ.)

Tkachev A. A. Muzhskoi veshchevoi kompleks i vozmozhnosti rekonstruktsii kostiuma andronovskoi epokhi [Male clothing complex and the possibilities of reconstruction of the costume of the Andronovo era]. *Arkheologicheskie issledovaniya stepnoi Evrazii* [Archaeological research of the steppe Eurasia]. Karaganda, TENGRI Ltd Publ., 2013, p. 89–93. (in Russ.)

Tkacheva N. A., Tkachev A. A. Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya [The Bronze Age of the Upper Irtysh]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 304 p. (in Russ.)

Umanskii A. P., Kiriushin Iu. F., Grushin S. P. Pogrebal'nyi obryad naseleniya andronovskoi kul'tury Prichumysh'ya (po materialam mogil'nika Kytmanovo) [Funeral rite of the population of the Andronovo culture of Prichumyshye (based on the materials of the Kytmanovo cemetery)]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, 132 p. (in Russ.)

Usmanova E. R. Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli [Burial ground Lisakovskiy I: facts and parallels]. Karaganda, Lisakovsk, TENGRI Ltd. Publ., 2005, 232 p. (in Russ.)

Usmanova E. R., Merts V. K., Kolbina A. V., Ventreska A. O nekotorykh syuzhetakh v «tekste» pogrebal'nogo obryada epokhi bronzy [On some aspects in the «text» of the funeral rite of the Bronze Age]. *Izuchenie pamyatnikov arkheologii pavlodarskogo Priirtysh'ya* [Study of archaeological sites of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar, NPF «EKO» Publ., 2006, p. 70–80. (in Russ.)

Frezer D. D. «Zolotaya vetv'» [«The Golden Branch»]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 831 p. (in Russ.)

Khazanov A. M. Sotsial'naya istoriya skifov [The Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka, 1975, 343 p. (in Russ.)

Sher Ya. A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)

Shternberg L. Ya. Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive religion in terms of ethnography]. Leningrad, IPN Publ., 1936, 573 p. (in Russ.)

Shvets I. Studien zur felsbildkunst Kasachstans. *Materialien zur archaologie Kasachstans*. Darmstadt, Mainz, Philipp von Zabern, 2012, vol. 1, 267 S. (in Germ.)

For citation:

Kukushkin I. A. World View and Traditions of the Population of the Andronovo Historical and Cultural Community (According to the Funeral Rites). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 87–98. (in Russ.)